

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия»

В Лондоне в зале «Барбикан» состоялась в исполнении Лондонского симфонического оркестра мировая премьера новой симфонии московского композитора Вячеслава Артёмова. Это заключительная часть цикла из четырех симфоний, над которыми Артёмов работал с 1988 года, когда он завершил теперь уже всеми признанный «Рекем», посвященный жертвам сталинского террора. Новым его произведением дирижировал Мстислав Ростропович; он же представлял в 1990 и 1992 годах в Вашингтоне со своим оркестром «Нэшнл симфонии» вторую и третью части тетралогии.

После огромного успеха в Америке композитор получил предложение остаться там навсегда или хотя бы надолго, дабы избежать в дальнейшем трудностей, с которыми сталкивались на родине он сам и такие его современники, как Альфред Шнитке, Эдисон Денисов, Софья Губайдулина, «не вписывавшиеся» в соцреализм. Но Артёмов не представляет для себя такой судьбы. Он вернулся, объяснив свое твердое решение тем, что «я должен быть в России — где я могу писать, где я чувствую свою близость к Богу».

В свое время — в сентябре 1990 года — газета «Вашингтон таймс», назвав «творением гения» симфонию Артёмова «На пороге светлого мира», так писала о нем: «Артёмов появился, чтобы стать именно таким композитором, который особенно необходим своей стране в это трудное время. Он не просто персонифицирует бунтовщика против бывшего аппарата власти, важно, что он не принуждаем, как до него Шостакович, служить хроникером текущего момента или маскировать свои истинные чувства и стремления». Лучше не скажешь.

И вот окончен многолетний труд.

— Вячеслав Петрович, какая это была адская работа, я мог судить лишь по внешним проявлениям. Например, когда вы до боли в глазах писали партитуру... Каждая из четырех частей этой симфонии-тетралогии имеет собственное название, достаточно прозрачно: «Путь к Олимпу», «На пороге светлого мира», «Тихое веяние» и вот теперь «Денница воссияет». Значит ли это, что свои раздумья о сложнейших вещах, подчас очень невеселых, вы как бы завершили на оптимистической ноте, оставив нам надежду? Ведь «денница воссияет» — рассвет наступит, не так ли?

— Вообще-то я действительно думал о том, что блуждания человека по жизни все-таки выведут его на нужную дорогу. В этом смысле меня, конечно, вело оптимистическое чувство. Но вот так прямо сказать «да» я не могу — музыка не выражает ни определенных идей, ни конкретных картин: только состояние души. Она явление нравственное.

— А шлягер тридцать седьмого года «Широка страна моя родная» — тоже нравствен?

— Мы говорим о музыке, не о тексте. В этой мелодии — широта, гордость: представьте, будто это песня о мифической стране, где действительно вод-

слышны взрывы, грохот — это изображение карабахской войны? Как ответить? У Рахманинова есть пьеса, музыку которой очень легко «подложить» в фильм с изображением, например, весеннего разлива реки. Но вовсе не значит, что Рахманинов именно это имел в виду — движение его души было, возможно, вызвано состоянием природы, но совсем не обязательно внешними водами. Фрагменты из моей симфонии «Путь к Олимпу» были использованы как звуковой фон к научно-популярному фильму об извержении вулкана, а я-то писал ее, и не думая о вулкане... Просто композитор сам состоит из извержения вулкана, из приливов и отливов, из многих чувств, и в

что жаль прежде всего свой народ.

— Но в России так считают далеко не все.

— Зато все одинаково употребляют слово «фашист» применительно к действиям, в основе которых — глумление над человеком. Преследовать и устаревать других — опасная болезнь, люди называют ее фашизмом, независимо от того, в какой партии состоит человек, больной ею.

— Согласен с вами.

— Согласитесь тогда и с тем, что справедливо требовать расследования деятельности любой партии, уличенной в насилии. Прежде всего коммунистической. Сейчас слышишь: «коммунисты в массе невиновны»,

зунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» было отклонено подавляющим большинством. Уже и пролетариев нет, и поклялись не вмешиваться в дела других стран... Выходит, депутатов тоже «обманули»?

— Не могу отвечать за наших депутатов. Возможно, это не вполне научно, но существует, видимо, вирус, поражающий в человеке не организм, а сознание. Конкретно для нашей страны этот вирус — богохульное прельщение коммунизмом, развратившее людей. А последователи этой идеологии и сегодня, не стесняясь, говорят о власти для себя. Есть много способов властвовать, но их-то способ нам хорошо известен!

— Это ваше мнение. Они же

дять. Как национал-социализм в Германии.

— Германия потерпела поражение, и виной тому национал-социализм. Россия же победила при руководстве КПСС: это крепко сидит в сознании людей. Можно ли судить партию, которая хоть и допускала много ошибок, но привела к победе?

— Война здесь не критерий. Народ защищал себя и свою землю. Превозносить правителя-диктатора за то, что народ с огромными жертвами защитил самого себя, безнравственно. Сегодня мы точно знаем: жертв было бы меньше, если бы нас «вел к победе» не Сталин. Россия все равно бы победила.

— Но многие фронтовики отдавали свои жизни не только за Россию...

— Знаю: и «за партию, за Сталина», за то, чтобы они и дальше правили, чтобы руководящая клика продолжала измываться над народом и угрожать всему миру. Признаться в этом фронтовикам трудно, и не надо их трогать, надо уважать даже их заблуждения. Но будущее страны — уже не они. Мы же обязаны думать о будущих поколениях, об их ценностях, об отношениях, которые сложатся между ними. Нравственный долг России — довести дело до конца. Как именно? Когда общество приходит к согласию, оно же и находит методы, как это согласие осуществить. У нас же откровенно пытаются расколоть общество. Это не трудно в стране, где не исполняется даже статья, карающая за человеческо-ненавистнические призывы, где практически обеспечена безопасность каждому, кто эксплуатирует дорогое русскому человеку звание «патриот». Спешествовать экстремистам опасно, осознать это необходимо, иначе страна не выберется из кризиса, в который она погружена в результате многолетней деятельности самой всезнающей на свете партии. Нам только кажется, будто она свергнута — она лишь раздроблена: партии Жириновского, Руцкого, Волского — те же осколки коммунистической партии.

— Это звучит эффектно, но верно ли?

— Лучше подумать, как избавить страну от новых катастрофических потрясений.

— Мы начали с музыки, а заканчиваем чистой воды политикой. Впрочем, это нормально: вопреки кокетливым придыханиям «ах, хватит!» люди все равно будут обсуждать свою жизнь.

— И это не политика, это ответственность. Меня не интересует политика как способ управления общественными процессами — я жажду справедливости. Только в нравственном обществе может воссиять денница. Как сказал Апостол Петр: «взойдет утренняя звезда в сердцах ваших».

Музыка и политика в жизни Вячеслава Артёмова

этом смысле их отражение в музыке — абстрактное, отвлеченное от картинки, — тем не менее конкретно-эмоциональное. — Какой же вулкан громыхал в вас, когда сочинялась «Денница»?

— Я много думаю о катаклизмах нашего века. Когда и как началось политическое варварство в самом просвещенном столетии человеческой истории? Я бы датировал это 1915 годом, геноцидом армян в османской Турции. Жестокость, с которой избивались беззащитные люди, была следствием безнаказанности истязателей. Нетрудно увидеть здесь прямую связь с тем, что дальше происходило в России и Германии, — те же массовые расправы, то же презрение к жизни человека, к общественному мнению и свободе.

— Попутно распространялась ненависть человека к человеку и глухота к человеческим страданиям.

— В Германии это вылилось в отношение к евреям, в России — к «классовым врагам». В эпоху, когда Европа уже пришла к пониманию необходимости соблюдать права человека! Когда появились даже общества защиты животных... Самое удивительное: идеология, основанная, казалось бы, на гуманных представлениях, вроде бы противоположная и расизму, и фашизму, тем не менее привела к похожим явлениям. Более того, если германский фашизм стремился завоевать мир ради господства в нем немцев, то большевики уни-

«партии должны быть возвращены ее средства». Это очень хитрый ход. Ведь люди требуют не суда над членами партии (миллионы их в душе коммунистами никогда и не были), но суда над ее идеологией и политикой. Хитрость здесь в подмене проблемы с тем, чтобы предать ее забвению.

— Не преувеличиваете?

— Сейчас страшнее преуменьшить. Посмотрите, как КПСС примазывается к церкви, которую ограбила и залила кровью. Сегодня в народе восстанавливается почтение к церкви — коммунисты тут как тут: может, перепадет... Они прельщают людей, а по христианскому разумению, самое опасное — прельщение. Вообще, коммунизм — это пародия на христианство, ибо сказано: царство Божие не на земле. Но и на небеси оно наступит только после суда, об этом КПСС надо бы помнить...

— Время от времени слышишь: покайтесь! Но зачем всем-то? Пусть каются те, кто должен покаяться.

— Но они-то и не хотят. Погубили миллионы, оставляли людям крохи от произведенного продукта, лишили их всякой возможности творчества, даже изобретать самоучке не разрешали — и этой партии надо снова предоставить свободу действий? Демонстрации с красными флагами — тоже обман, и прежде всего обман тех, кого выводят на улицы.

— А вот на съезде предложение изъять из герба РФ ло-

утверждают, что их цель — служить народу.

— Говорить можно что угодно. Судят по делам. Допускаю, что многие бывшие члены партии обмануты, а потому не виноваты, но не они рвутся к власти. Рвутся те, которые обманут все равно, как только получат власть: сие единственный непрекращаемый вывод из их же опыта. Такая партия рабовладельцев не имеет права прежде всего на организацию — вот в чем дело.

— Но Конституционный суд ничего не сказал об ее идеологии, зато ее первичные организации признаны законными.

— И соловомовым этим решением открыл путь для нового ее наступления. Ей дают эфир, экран, называя это демократией, тогда как это обычное выражение солидарности с ее лозунгами. Самый излюбленный из них: «нам терять нечего». Может быть, им и нечего терять, но люди-то потеряли очень многое. И уж наверное, если КПСС придет снова к власти — она снова начнет угрожать миру ядерной бомбой. Пора понять: у страны, в которой фактически господствуют подобные политические течения, нет будущего.

— Но в Западной Европе коммунистические партии существуют, входят в парламенты.

— Там есть законы, правила, обычаи, политическая культура, способные нейтрализовать экстремистские течения. У нас же ничего такого нет. И пока не будет, лучше не рисковать. Крайности надо публично осу-